

Юрий Львович Слёзкин (1885-1947).

Источник: "Новелла серебряного века", Москва, "Терра-Терра", 1994.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 16 августа 2003.

ЮРИЙ СЛЁЗКИН

ПОЛИНА-ПЕЧАЛЬНАЯ

L'amour est un rossier quit
fleurit sur nos levres:
Plante dans notre coeur, il
boit le plus beau sang.
Et le vase empourpre, Saxe,
Chine ou vieux Sevres.
Se brise quand les fleurs vont
s'epanouissant...*

Romance

** Любовь -- это розовый куст, цветущий на наших губах. Зародившись в нашем сердце, он пьет самую чистую кровь. И пурпурная ваза, подобная саксонской, китайской или старинной сервской, разбивается, когда бутоны начинают раскрываться (фр.).*

В нескончаемом потоке человеческих лиц и характеров, каких приходится наблюдать в короткие дни нашей жизни, встречаются типы, поражающие нас с первого взгляда, вызывающие в нас невольное любопытство, смешанное или с чувством восхищения, или с брезгливостью. Но чаще всего приходится нам сталкиваться с людьми совершенно безразличными, с людьми, о которых ничего не сумеешь сказать через минуту после того, что их увидел,-- так они бесцветны.

Но, может быть, эта серость только кажущаяся. Быть может, глядя на большинство людей, мы улавливаем только общий тип, как бывает это с путешественником, впервые попавшим в чужую страну. Быть может, это только недостаток внимательности: нас поражают лишь резкие особенности, и мы беспечно проходим мимо скрытых, затаенных и, кто знает, наиболее значительных и характерных черт. И не подтверждается ли мысль эта теми неожиданными озарениями, когда случайно встреченный и забытый вами человек внезапно оживает в вашей памяти в совершенно новом освещении, приобретает определенные, ему только присущие черты, становится единственным в своем роде -- странно волнует ваше воображение и часто вызывает горькую укоризну вашей близорукости и равнодушию.

Вот и сейчас вспомнил я об одной девушке, об одном обиженном природой существе, с бледным, невыразительным лицом, каких тысячи, с лицом, которое только недавно выплыло предо мною из туманного прошлого и всё более приковывает к себе мое внимание. Я вспомнил о Полине-печальной.

Будучи еще студентом, я часто ездил на каникулы к крестной матери своей -- княгине Прасковье Сергеевне Соловецкой, имение которой находилось недалеко от нашего. Княгиня была чопорной, подтянутой старушкой, вдовой вице-губернатора, с большими замашками барыни былых времен, но с состоянием, уже приходящим в упадок. Зимой она жила в провинциальном городе, в собственном доме, а на лето переезжала с целым штатом прислуги и бесконечным хвостом племянниц и внучек к себе в усадьбу.

Большие каменные барские хоромы стояли на высоком холме, окруженные цветниками, оранжереями и парком, спускающимся по склонам к обширному пруду. Широкая аллея старых каштанов вела к соседнему холму, где возвышалась старинная церковь, строенная предками княгини.

Дом был очень велик, и, сколько бы гостей ни приезжало к старухе, всем находилось место, а во многие комнаты даже никто и не заходил. Убранство некоторых из них осталось прежнее, во вкусе восемнадцатого столетия: стены были расписаны по штукатурке или увешаны сверху донизу огромными темными картинами в золоченых рамах, среди которых можно было найти весьма ценные по достоинству живописи. Мебель была резная, массивная и обитая штофом -- особого цвета в каждой комнате. Сам воздух -- сыроватый, чуть затхлый, несмотря на то, что летом всюду раскрывались окна, дышал давно угасшими днями -- пылью, плесенью, клеем, тлеющей материей и еще чем-то неуловимым, похожим на нежные, необычайные духи, слегка кружащие голову.